

ке и под давлением российской администрации искажали исконную систему обычного права кочевников (Курылев 1995: 155). Таким образом, право сыновей на определенную долю семейного имущества находило поддержку в адате. С.Л. Фукс, занимающийся изучением обычного права казахов, считает, что тенденция сосредоточения всех прав распоряжения семейным имуществом в руках главы семьи наблюдается только к концу XIX — началу XX века. До этого времени сыновья рассматривались как владельцы совместной семейной собственности (Фукс 1981: 33).

Процесс приравнивания семейной собственности к индивидуальной собственности главы семьи повлиял и на решение вопросов наследования вдовами имущества мужа. Известны случаи, когда при разделе имущества — будущего наследства — муж руководствовался личными симпатиями, и большую часть получала любимая жена, которая могла быть одной из *тоқал*. Но все же чаще при разделе наследства среди жен покойного его родственники руководствовались общими законами: большую часть получали жены, имеющие невыделенных сыновей, вне зависимости от их статуса в семье (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 55).

3.4. Развод

Поводы к разводу супругов были различными. Развод совершался и по взаимному согласию, и по требованию одной из сторон. Но в любом случае главная проблема, возникающая при разводе, — решение вопроса о возврате мужу калыма и о выделении некоторой материальной компенсации жене.

Н.И. Гродеков (1889а: 91) отмечал, что «в подражание шариату адат допускает *акымар*, имущество, определяемое в пользу жены, на случай развода (хатынынг инчиси) (*катынын еншісі*. — И.С.). *Акымар* может состоять в скоте, в недвижимости и в деньгах». Исходя из материалов, приводимых Н.И. Гродековым, *акымар* невесты оговаривался до заключения брачного союза, правда, никакими документами не заверялся, и впоследствии эта часть имущества не отделялась от общесемейного. Таким образом, женщина не получала прав личной собственности на имущество, как это следует по шариату, и при разводе не имела гарантированных прав на получение *акымара*. Его выдача зависела исключительно от воли мужа и его родственников. Кроме того, напомним, что материалы Н.И. Гродекова главным образом относятся

к юридической системе южных казахов, которые, в отличие от других казахов, имели прочные политические, экономические и культурные связи с городскими центрами и достаточно рано подверглись исламизации. Уже в X веке ислам утвердился среди оседлого населения Семиречья и на Сырдарье. Поэтому влияние норм шариата на обычное право казахов именно в этом районе ощущалось наиболее сильно. Практика выплаты *ақымара* была локальным явлением и не получила широкого распространения среди кочевого населения степей — она не была зафиксирована у других групп казахов.

Несмотря на то что после развода дети, как правило, оставались в семье мужа, женщина имела право на получение своей части семейного имущества. Но какова была эта часть? После заключения брака муж имел полное право распоряжаться имуществом своей жены, но после развода, был обязан возвратить «все ей собственно принадлежащее», то есть те немногочисленные вещи, которые находились в личной собственности женщины (Баллюзек 1871: 91; Загряжский 1876: 159). Личным имуществом женщины считался свадебный головной убор, некоторые украшения, один из костюмов, данный в приданое, и кровать с постельными принадлежностями. Все это были вещи, составляющие часть приданого; в случае смерти женщины ее родственники получали их как память об умершей. Остальное движимое и недвижимое имущество, составляющее приданое женщины, сразу после заключения брака переходило во владение мужа и его родни и распределялось среди тех, кто участвовал в сборе средств для выплаты калыма.

Если развод совершался по вине мужа, а его благосостояние позволяло без ущерба для хозяйства выделить своей прежней жене одну оседланную лошадь и верблюда, то он мог это сделать: снабдить женщину необходимым минимумом на первое время, позволяющим ей добраться до своих родителей или родственников ее потенциального нового мужа. Однако это положение основывалось исключительно на желании самого мужчины и не было обязательным правилом. Часто муж выделял жене сумму денег на одежду и самые необходимые вещи из того калыма, который возвращала ему родня жены. Известны случаи, когда муж получал не весь калым, а имущество, составляющее разность между уплаченным калымом и приданым (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 12).

Женщина теряла право даже на свое приданое, не говоря уже о прочем имуществе, в случае если муж застигал ее с любовником (Баллюзек 1871: 90–91; Козлов 1882: 333; Жакипова 1971: 61). Такую

жену муж имел полное право обвинить в прелюбодеянии и прогнать к родителям, лишив всех прав не только на имущество, но и на детей.

Известны случаи, когда при разводе муж выделял жене достаточно большую часть семейного имущества. Но так поступали мужчины, дети которых оставались с их прежними женами. При таких обстоятельствах, женщина должна была вернуться к своим родителям и пообещать, что до конца жизни останется одинокой и не выйдет замуж (Маковецкий 1886: 23; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 345). Эта ситуация показывает, что имущество выделялось мужем не самой женщине, а детям, которые при достижении совершеннолетия вступали в права наследников. Запрет же на новое замужество женщины должен был оградить наследников от притязаний супруга матери — их отчима.

Иногда после развода дети распределялись между супругами: девочки уходили с матерью, а мальчики оставались в семье отца. В этом случае муж не требовал возврата калыма, но оставлял за собой право удержать имущество, входящее в приданое жены (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 12, 23; ф. 4, оп. 3, д. 401). При этом после заключения брака дочерей калым поступал в пользу семейно-родственной группы мужа.

Таким образом, при разводе женщина, как правило, получала лишь некоторую минимальную материальную компенсацию, которая обычно выделялась из возвращаемого за нее калыма, и получала права на управление частью имущества мужа только при наличии у нее детей мужского пола, оставленных мужем при ней после развода. Но были прецеденты, когда суд биев, поддерживая влиятельную группу родственников мужа, наоборот, присуждал женщине и ее родне в добавление к возвращаемому калыму уплатить в пользу ее бывшего супруга штраф или сумму, потраченную мужем на жену во время их совместного проживания; в подобном случае жена при разводе не получала никакого имущества (Гродеков 1889а: 116–127). Но если суд доказывал вину мужа, то тот не имел права требовать возврата калыма и довольствовался удержанием приданого своей жены (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 13).

Анализ правовых основ развода демонстрирует, что развод, как и брак, не был личным делом супругов. Вопросы, связанные с передачей или удержанием имущества, решались на уровне двух семейно-родственных групп — семьи мужа и родственников жены.

После развода и урегулирования всех имущественных исков женщина получала юридическую свободу и могла перейти на жительство

к своим родителям или другим родственникам, а также выйти замуж по своему желанию, не советуясь с родственниками мужа, как это бывало в случае смерти супруга. Следуя закону, разведенная женщина, как и вдова, имела право выходить замуж неограниченное число раз. Однако зафиксированы случаи, когда право левирата действовало и при разводе, — при наличии физических недостатков мужа его родня могла потребовать, чтобы женщина вышла замуж за кого-либо из его родственников (ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5089, л. 83).